

ФИЛИП ЯНСИ

*Дневник
В Благодати*

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ПИЛИГРИМА

Издательская группа
«Нард»
Киев 2011

УДК 27-42
ББК 86.37-3
Я 54

Philip Yancey Grace Notes

Переклад з англійської

Янсі, Філіп

Я 54 Щоденник благодаті: Пер. з англ. – Київ:
СПД Єфетов О.В. (Вид. група «Нард»), 2011. – 420с.
ISBN 966-8795-11-4

Добірка для щоденного читання складається з 366 уривків різних творів одного з найпопулярніших сучасних християнських письменників та вчителів, який з притаманною йому енергією, виразністю та прямоотою вміє так талановито передати дивовижні та загадкові відносини Бога з нами. Зібрані тут яскраві історії, свідoctва та ілюстрації навчать серце мислити, а мозок – відчувати.

ББК 86.37-3

Originally published in the U.S.A. under the title: Grace Notes
Copyright © 2009 by Someone Cares Charitable Trust
Translation copyright © 2011 By Philip D. Yancey
Translated by Yuri Shpak
Published by permission of Zondervan, Grand Rapids, Michigan

ISBN 966-8795-11-4 (рос.)
ISBN 978-0-310-28772-8 (англ.)

© Видавнича група «Нард», видання рос. мовою, 2011.
Всі права захищені.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Слово к читателю 13

ЯНВАРЬ	15	∞	ФЕВРАЛЬ	49
МАРТ	81	∞	АПРЕЛЬ	115
МАЙ	147	∞	ИЮНЬ	181
ИЮЛЬ	213	∞	АВГУСТ	247
СЕНТЯБРЬ	281	∞	ОКТЯБРЬ	313
НОЯБРЬ	347	∞	ДЕКАБРЬ	379

Благодарности 413

Библиография 415

Цитируемые источники 417

*Писатель должен стремиться к тому,
чтобы быть человеком,
для которого ничего не потеряно.*

Генри Джеймс

ПРЕДИСЛОВИЕ

 Последние тридцать лет я только тем и занимаюсь, что пишу. Это достаточно долго, чтобы одному издателю пришла в голову мысль составить сборник выдержек из моих двадцати с небольшим книг и многочисленных статей. Перечитывая их, я чувствовал себя как Рип Ван Винкль (герой одноименного произведения Вашингтона Ирвинга, который проспал 20 лет — прим. ред.), вновь окунаясь в переживания и размышления двадцати-, а то и тридцатилетней давности. Я сомневался, верил, опять сомневался, менялся, рос...

Мне посчастливилось путешествовать по всему миру, наблюдать за жизнью Церкви в разных культурах и беседовать с самыми удивительными людьми — как достойными подражания, так и заслуживающими порицания. Возвращаясь за свой рабочий стол, я всегда отражал эти встречи в своих книгах и статьях. Я заметил, что многие люди представляют себе жизнь писателя исполненной романтики, и хотел бы развеять этот миф. Однажды я получил письмо от студентки, которая спрашивала, не нужен ли мне стажер. «Я могла бы делать для вас какие-то исследования или заниматься офисной работой, — писала она. — Или, возможно, я могла бы просто сидеть и наблюдать за тем, как вы создаете свои книги».

Я вежливо отказал ей, хотя на самом деле должен был бы написать что-нибудь вроде: *«Девушка, да вы спятили! Наблюдать за тем, как я создаю книги, просто невозможно! Я не выношу, когда в это время кто-то находится со мной в комнате. Писательский труд — это акт полной уединенности и паранойя, так что никто не смеет переступить этот барьер. И, кроме того, вы бы очень быстро начали просто умирать от скуки. С таким же успехом можно целый день наблюдать за скалой или смотреть в экран выключенного телевизора. Это гораздо увлекательнее, чем наблюдать за работой писателя»*.

Забившись в свой укромный угол, писатель садится перед блоком или экраном компьютера и начинает манипулировать абстрактными символами, расставляя их то так, то эдак. Филип Рот описал этот процесс следующим образом: «Я жонглирую словами.

В этом — вся моя жизнь. Я записываю предложение, а потом меняю слова местами. Потом я смотрю на результат и опять меняю слова местами. Потом я иду обедать, после чего возвращаюсь и записываю еще одно предложение. Потом я пью чай и меняю местами слова в этом новом предложении. Потом я прочитываю оба предложения вместе и меняю их местами. Потом я ложусь на свой диван и начинаю размышлять. Наконец, я встаю, выбрасываю оба предложения в мусорную корзину и начинаю все сначала». Рот в точности описал, как проходит мой день.

Из всех видов искусства литература — самый непритязательный. Художники имеют дело с цветом, а скульпторы работают в трех измерениях. И то, и другое намного привлекательнее скучных, абстрактных знаков, с которыми возится писатель. С другими видами искусства — кино, живописью, хореографией, музыкой — мы соприкасаемся напрямую, через органы чувств, и только книги требуют промежуточное звено: грамотность, без которой человек не сможет воспринять написанное. Покажите экземпляр «Короля Лиры» какому-нибудь индейскому племени из дебрей Амазонки, и они увидят только нечто напоминающее рассыпанный по странице перец.

Согласно исследованиям, писатели занимают одно из ведущих мест в списке профессий, наиболее склонных к зависимостям. Процент заядлых курильщиков, кофеманов и алкоголиков среди них просто пугает. Почему так происходит? Потому что писателю приходится ежедневно бороться с глубоко укоренившейся паранойей: «Мне нечего сказать», «я уже говорил об этом раньше», «я — шарлатан и лицемер», «я пишу шаблонными фразами»... Кроме того, писательский труд настолько абстрагирован от физического мира, что мы подсознательно пытаемся задействовать части своего тела, даже если это подразумевает простое перемещение чашки, бокала или курительной трубки от стола ко рту и обратно. К счастью, я живу в Колорадо — диком крае, ежедневно напоминающем мне о необходимости вести на этой планете более здоровый образ жизни (и, в процессе этого, избегать писательства).

Выступая перед аудиторией, я чувствую себя так, словно оказался перед микрофонами и в свете прожекторов, едва выбравшись из пещеры. «Каковы, на ваш взгляд, пять основных тенденций, с которыми сегодня сталкивается церковь?» — спрашивает кто-то, а я просто моргаю навстречу слепящему свету. «Как вы считаете, насколько сильно вы влияете на этот мир?» — следует другой вопрос. На подобные вопросы мне хочется ответить: «Откуда мне знать? Я все время сижу в своем кабинете!» Но вместо этого я вежливо улыбаюсь и пытаюсь сказать что-нибудь вразумительное.

Еще один вопрос, который мне постоянно задают: «Всегда ли вы хотели стать писателем?» Мне приходится сознаваться в том, что, как и большинство мальчиков, я хотел стать пожарным или бейсболистом.

Позже, во время учебы в аспирантуре Уитонского колледжа, мне нужно было найти работу, чтобы платить за обучение. Я обошел расположенные поблизости христианские организации, и единственное предложение сотрудничества поступило от Гарольда Майры, который в то время издавал молодежный журнал «Студенческая жизнь». В тот первый год я составлял отчеты о жизни в студгородке, писал тексты для буклетов, сортировал фотографии — в общем, выполнял в редакции роль мальчика на побегушках.

Гарольд создал атмосферу, в которой писательство ценилось выше всего остального, и с безграничным терпением наставлял своих молодых авторов. Откинувшись на спинку скрипучего деревянного стула, он мог сказать: «Филип, эта статья готова лишь на 80 процентов», и вскоре я понял, что этот эвфемизм означает: «Эта статья — просто дрянь, так что перепиши ее заново». Я в буквальном смысле изучал писательское дело. Вначале я работал над глаголами в действительном залоге, потом — над синтаксисом предложений, затем — над структурой абзацев и статей, и наконец — над тем, как писать книги. Писательскому делу можно научиться, и в самом начале мои познания о нем были почти нулевыми.

Я обнаружил, что процесс обдумывания жизненных переживаний и изложения их на бумаге прекрасно соответствует моей настроенной, замкнутой натуре. Я мог брать интервью и наблюдать за миром через заслонку журналистики. Время, проведенное в «Студенческой жизни», стало для меня хорошей школой, и я не знаю более удручающего дела, чем писать статьи о вопросах веры для испорченных американских подростков. Я выяснил, что контракт писателя — в руках его читателей. Стоит тебе упустить внимание аудитории, — и ты лишился работы.

Многие христианские книги написаны экспертами в своей области: пасторами, богословами, профессорами и другими специалистами. Я начинал свою карьеру журналистом, а журналисты по определению — люди широкого профиля, не являющиеся экспертами в чем-либо. С тех пор таковым себя и считаю. Только позже я смог обрести собственный голос: голос искреннего пилигрима, израненного церковью, который, просеяв непростые вопросы веры, нашел свой путь. Моя профессия для меня действительно большое благословение. Она позволяет выплеснуть на бумагу всю внутреннюю борьбу. Это призвание отражает мою собственную биографию.

После десяти лет, проведенных в «Студенческой жизни», я погряз в делах управления издательством. Мое время уже было занято не писательством, а изучением отчетов по распространению тиражей и проверкой маркетинговых бюджетов. Я не без страха ступил на путь независимого журналиста и одновременно с этим, как бы подчеркивая произошедшую перемену, переехал из пригорода в центр Чикаго.

Многие выдержки, представленные в этой книге, были написаны именно в тот период. Городская жизнь открыла мне новый мир — особенно учитывая, что моя жена была социальным работником среди

местной бедноты. Мы жили в самом центре Чикаго, поэтому у меня как журналиста не было недостатка в рабочем материале. В те моменты, когда меня постигал творческий кризис, я отправлялся на прогулку и в течение нескольких минут обязательно встречал кого-то, кто бился в эпилептическом припадке, дебоширил у дверей бара или срывал нервы на проезжающем мимо водителе.

Тем временем «Студенческая жизнь» влилась в группу изданий вокруг журнала «Христианство сегодня», и я начал регулярно писать статьи для этого популярного христианского издания. Я вел колонку раз в месяц, чередуя выпуски с Чаком Колсоном. Некоторые из этих статей также представлены в данной книге. Кроме того, я стал посещать другие страны: иногда — с целью сбора материалов для статей, иногда — как участник туров, организованных издателями моих книг. Я научился отдавать должное разным взглядам на США и процветающую здесь версию христианства. Тем, кто исполнен цинизма относительно религиозно-промышленного комплекса США, я предлагаю простое лекарство: посетите страны, наподобие Бразилии, Филиппин или Китая, и поживите среди людей, воспринимающих Евангелие как неприкрашенную Благоую весть.

В 1992 году мы приняли переломное решение переехать из центра Чикаго к подножию Скалистых гор в Колорадо. И там, и здесь я работал дома, но разница была поражающей. В Чикаго через окошко под потолком в своем кабинете я видел только колени прохожих и скудную живность в виде голубей и белок. Теперь же через такое же окно я созерцал величественные сосны и покрытые снегом горные вершины, а по нашему двору то и дело бродили лисы, олени, лоси, скунсы, сурки, медведи и рыси, а изредка — даже пумы.

Мы переехали отчасти из-за того, что жизнь в Чикаго стала слишком суетливой, а отчасти потому, что я почувствовал необходимость сменить направление в своем писательском труде. Как журналист, я описывал истории других людей; теперь же пришло время обратиться внутрь себя, к более глубоким и личным вопросам. Мне нужно было исследовать собственную веру и описать каждый шаг на этом пути. Меня до сих пор удивляет, что всем этим я умудряюсь зарабатывать себе на жизнь. Представителям других профессий приходится решать непростые вопросы веры в стороне и зачастую независимо от своей деятельности. Мне же платили за то, чем я занимался бы все равно.

В процессе этого я по-прежнему оставался журналистом, чувствуя, что призван говорить от лица простого пилигрима с церковной скамьи. Наверное, из-за того, что я вырос в нездоровой церковной среде, я избегаю представлять какую-либо формальную часть христианского мира. Я не рукоположен в служители церкви, и за мной не стоит никакая организация, репутацию которой я должен защищать. Я — вольный художник, свободный анализировать собственные вопросы, куда бы они меня ни вели, не беспокоясь о нежелательных последствиях. Я отправляюсь к экспертам, узнаю у них все, что только возможно, а затем перевожу ответы, которые мне кажутся полезными, в читабельную форму.

Каждый писатель, соприкасающийся с духовными вопросами, разделяет обеспокоенность Томаса Мертонa о том, что его книги изображают духовную жизнь так безбоязненно и уверенно, в то время как сам он мучим колебаниями, сомнениями и даже страхами. У меня часто складывается впечатление, что ценность записанных мной слов более долговечна, чем моя жизнь, и я чувствую, что чем выше я забираюсь в своих писательских исследованиях духовных вопросов, тем в более ложном свете представляю собственную бестолковую жизнь. Как я убедился, редактировать слова гораздо проще, чем редактировать жизнь. Когда я получаю от читателей письма, в которых они рассказывают, какое влияние оказали на них мои произведения, мне хочется возразить: «Да, но вы не знаете меня. Поговорите с моей женой!» Умение составлять слова дарует людям, пишущим о вере, право говорить от лица других, хотя мы его не заслуживаем.

Я несколько раз описывал в своих книгах годы, проведенные в христианском колледже, хотя никогда не указывал его названия. Я не догадывался, насколько сильно огорчаю сотрудников этого колледжа, пока однажды не навестил колледж и не поговорил кое с кем из преподавателей и администрацией. «Почему ты так обижаешь нас? — спросил один профессор. — Зачем писать только о плохом? Мы наградили тебя как лучшего студента года, а ты только то и делаешь, что при каждой возможности нападаешь на нас!» Не защищая себя, я старался просто слушать. Я понимал, что реакция этого профессора направлена на несправедливую силу слов — моих слов, которые через мои книги распространились по всей стране, представляя одну ограниченную и неадекватную точку зрения, и это смущало его.

Почему же мы, писатели, занимаемся этим? «Составлять много книг — конца не будет», — вздыхал Екклесиаст около трех тысяч лет назад, однако за один только прошедший год в США увидели свет четверть миллиона новых изданий. Мы продолжаем писать, порождая все больше слов, способных как причинять вред, так и утешать. За всяким писательством стоит определенная самонадеянность. Так, составляя это предложение, я имею наглость верить в то, что оно заслуживает потраченного вами времени. *Тем самым я, человек, с которым вы, скорее всего, никогда не встречались, претендую на ваше внимание, подвергая вас влиянию своих слов и мыслей. Выслушайте меня, пожалуйста, без возможности ответить.*

Думаю, мы делаем это потому, что нам, кроме своей точки зрения, предложить больше нечего. Все, написанное мной, окрашено моей семьей, моим детством, проведенным на Юге в консервативной среде, моим странствием по духовным закоулкам. Я могу страстно описывать только свой жизненный опыт, — не ваш. И, тем не менее, мой взгляд на церковь, семью и нетвердые шаги к вере может вызывать у читателя определенную реакцию подобно тому, как колебания гитарной струны создают гармонические обертоны. Как сказал

Уолкер Перси, писатель помогает обнаружить то, о чем читатель знал, но не знал, что он это знает.

Я рассказывал о «токсичной церкви», в которой я вырос: законнической, агрессивной, расистской церкви на Юге. Я часто шучу, что после такой церкви мне пришлось проходить «реабилитацию», выясняя по пути, что многое из того, что мне представляли как абсолютную истину, в действительности было заблуждением. В результате, начав писать книги, я увидел себя человеком «на грани», которому проще задавать вопросы, чем предлагать ответы. С чем я тогда сражался и как себя позиционировал, можно понять из названий моих первых книг («Где Бог, когда я страдаю?», «Разочарование в Боге»).

Как-то я описал одну категорию людей, которых часто называют «нейтралами». Это те, кто застрял на нейтральной полосе между верой и неверием. Некоторые из них настороженно приближаются к церкви. Их влечет Иисус, но отталкивают Его последователи. Другие же сбегали из церкви из-за отрицательного опыта, однако по-прежнему тоскуют по тому утешению, которое они там пережили. Я и сам провел немало времени на этой нейтральной полосе и хочу ободрить тех, кто бродит сейчас по ее краю.

Я не пытаюсь защитить церковь. Наоборот, я отождествляю себя с теми, кого она ранила, указывая им на Благоую весть Евангелия. Иисус сказал, что истина сделает нас свободными, и что Он пришел дать нам жизнь с избытком. Если какое-то послание не дает вам свободу и не приносит в вашу жизнь больше полноты, то оно — не от Иисуса. То, что не похоже на добрую весть, — не есть Евангелие.

Слова — это моя работа, поэтому я выбираю слово, рассматриваю его со всех сторон, разбираю его «по косточкам», размышляю над ним. Так обстояло дело и со словом «благодать». Я обратил внимание, что разные формы употребления этого слова можно обнаружить в самых неожиданных местах (например, когда говорят о погоде: «благодатное лето», «за окном — благодать неопишущая» и т.д.). Это наталкивает на более пристальное исследование, поскольку вышеупомянутые значения имеют четко положительный, привлекательный оттенок, в то время как о христианах зачастую ходит дурная слава. Люди считают христиан чопорными критиканами. Странно, но я почему-то думал, что благодать явилась для того, чтобы показать через нашу жизнь Божьи намерения совершенно с другой стороны. Так, появилась на свет книга «Что удивительного в благодати?»

Как я хотел бы сказать: «Давайте я покажу вам свой десятилетний план, мою стратегию того, как я буду выражать свою веру в условиях постмодернистской культуры», — но, увы... Я перепрыгиваю с одной темы на другую в зависимости от того, что тревожит меня в данный момент. Оглядываясь назад, я вижу темы, которые возникали снова и снова на протяжении многих лет. Среди них — страдания и благодать. Я также вижу, как мои произведения движутся по спирали от границ веры к ее центру. Взгляните на тематику моих последних книг: Иисус, благодать, молитва... Все это — центральные аспекты веры.

Если бы двадцать лет назад мне кто-то сказал, что я напишу книгу о молитве, то я громко рассмеялся бы. Потребовались годы, чтобы у меня появилось желание исследовать данный вопрос. Я сказал «желание», а не «компетенция». К этой книге я тоже подошел с точки зрения журналиста, составив список вопросов к тем, кто мог дать какие-то ответы. У нас есть бесценная привилегия общаться с Богом вселенной, и, тем не менее, для многих людей молитва остается скучным, безжизненным ритуалом. Можно ли это изменить? Верю ли я на самом деле в силу молитвы? Я начал искать ответы на подобные вопросы, и они привели к рождению книги.

По правде говоря, я пишу свои книги для себя. Я беру какой-то вопрос, который озадачивает и интригует меня, и погружаюсь в него, не зная, к чему это меня приведет. Со временем, возможно, кто-то погружится вслед за мной, но пока я пишу книгу, я сражаюсь с вопросами в одиночку, собирая в кучу слова (подобно мелким животным, они постоянно пытаются разбежаться в разные стороны). Писательский труд предоставил мне возможность слово за словом сформулировать свою веру, и, к моему огромному удивлению, мои слова помогли укрепить в вере еще кого-то.

В старые времена, когда сигары изготовляли вручную, на Кубе была традиция нанимать чтецов, которые читали рабочим вслух книги. Работая в безмолвии, люди проводили многие часы, слушая повести и романы. Так для них быстрее проходило время и, как отмечали бригады, это улучшало моральное состояние их подчиненных. Работникам одной сигарной фабрики так понравился «Граф Монте-Кристо», что они написали Александру Дюма письмо с просьбой разрешить назвать в честь этого романа сорт сигар. Так появились сигары «Montecristo», популярные и по сей день. Сомневаюсь, что Дюма, когда писал свой роман, думал о какой-то кубинской сигарной фабрике. Однако, благодаря транспортабельности слов, ему удалось пересечь океан, и, звуча уже на другом языке, посетить это отдаленное место.

Слова позволяют писателю преодолевать пропасти и проникать в сознание других человеческих существ. Связь между писателем и читателем обычно устанавливается тайно, в том месте и в тот момент, которые неизвестны инициатору этой связи. Я никогда не видел, как кто-нибудь читает одну из моих книг. Надеюсь, что-нибудь из написанного мной станет рукой помощи для сомневающихся и утешением для страждущих, а также дарует благодать тем, кто мало получает ее от церкви.

Однажды я получил письмо из Индонезии, написанное на ломанном английском: «Я читал вашу книгу 'Иисус, Которого я не знал'. Они — настоящее благословение. Я прочитал их три раза. Много раз я не мог спать ночью, думая, что вы написали. Ваша книга помогать мне увидеть Иисуса не только как человека, который жил и умер на

земле 2000 лет назад, но и настоящего человека, который воскрес 2000 лет назад, и все еще доступен и сегодня».

Во время поездки в Ливан в 1998 году я встретил одну женщину, которая сказала, что прочитала мою книгу «Разочарование в Боге», когда в ее стране шла гражданская война. Она держала эту книгу в подвале, переоборудованном в бомбоубежище. Когда вокруг ее многоэтажного дома начинали рваться снаряды, она спускалась по темной лестнице в подвал, освещая себе путь фонариком, зажигала свечу и читала мою книгу. Не могу передать, какое смирение я пережил услышав, что слова, написанные мной в чикагской квартире, принесли утешение этой женщине в тот момент, когда христиане умирали за свою веру, а красивейший город Среднего Востока превращался в руины.

Еще одна жительница Бейрута написала мне, что, благодаря моей книге «Что удивительного в благодати?», она стала лучше относиться к партизанам «Организации освобождения Палестины», отбравшим у нее квартиру. Читая подобные письма, я думаю: *В действительности я имел в виду хроническую болезнь, а не гражданскую войну, и соседей, включающих громкую музыку, а не врывающихся в твой дом партизан.* Бог снова и снова удивляет меня, используя слова, написанные несовершенным мной со смешанными мотивами, для того, чтобы принести плод такими способами, которые я не мог даже вообразить.

Один мой друг как-то сказал: «Слова, которые ты записываешь, и книги, которые ты издаешь, подобны твоим детям. Ты стараешься для них, как можешь, но, в конце концов, они покидают тебя и начинают жить самостоятельно. Ты уже не можешь контролировать, куда они пойдут, и на кого повлияют». Очень правильно сказано. Эта книга представляет собой подборку из моих «детей», увидевших свет за несколько десятилетий в двадцати двух книгах и сорока пяти статьях. Здесь также представлены некоторые фрагменты из моих неопубликованных трудов. Пересматривая их, я благодарю Бога за привилегию работать со словами и за те невероятные мосты, которые они навели.

«Мы читаем, чтобы знать, что мы не одиноки», — сказал один из студентов Клайва Льюиса в фильме «Страна теней». Это правда, и те из нас, кто пишет, делает это в отчаянной надежде, что мы не одиноки.

Филип Янси, Колорадо, весна 2009 года

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

«Дневник благодати» — это сборник из 366 выдержек из произведений Филипа Янси для чтения на каждый день. Все они сбалансированы по длине, а в некоторые были внесены незначительные редакторские правки для большей ясности текста и адаптации его к данному изданию.

Размышления, посвященные каким-то особым датам (например, 11 сентября), освещены в соответствующих главах, в то время как некоторые тематические материалы сопоставлены с определенными периодами (например, политические темы обычно сгруппированы возле дат выборов, а Рождество рассматривается в декабре). Кроме того, некоторые главы следуют церковному календарю, из-за чего возникает проблема: даты основных событий в церковном календаре меняются из года в год. Мы разместили такие темы на свое усмотрение, начиная с ранних дат. Так что, например, смерть и воскресение Иисуса рассматриваются с 13 марта по 1 апреля. В идеальном варианте читатель, следующий церковному календарю, должен начать эти темы за две недели до Пасхи, а пока это время не придет, переходить к последующим тематическим главам. Аналогичным образом, Вознесение и Пятидесятница рассматриваются 5 и 15-18 мая, хотя на самом деле даты, соответствующие этим событиям, варьируются из года в год.

Библиография в конце книги дает исчерпывающую информацию о первоисточниках приведенных здесь отрывков.